

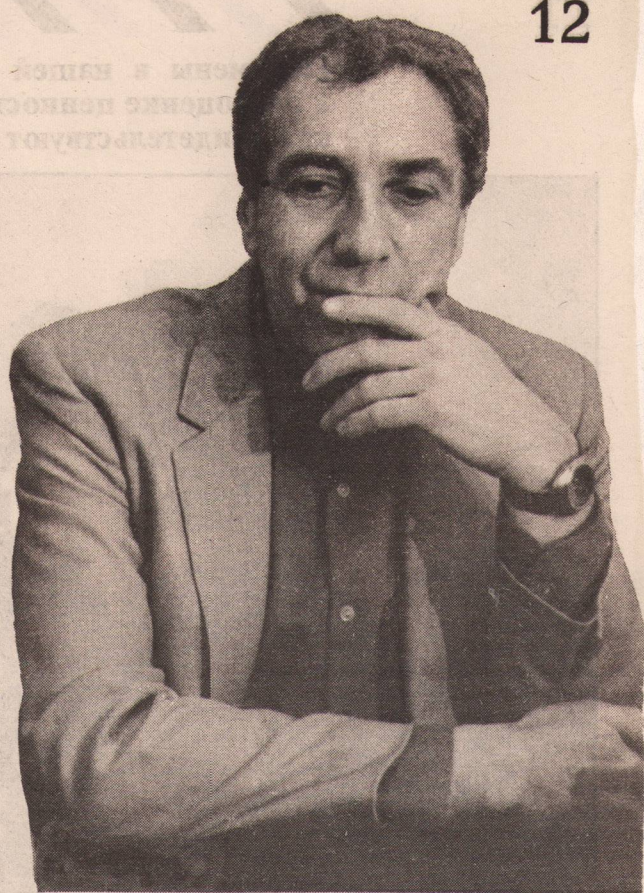
Сергей Юрский: Вам предстоит разговор с молчаливой женщиной.

Корр.: Почему?

С. Ю.: Я познакомился с Комаки-сан за год до постановки и убедился: диалог с ней почти невозможен. Она очень любит слушать и очень не любит говорить. Но если уж высказывает свое мнение — это мнение окончательно. Когда Комаки-сан за два года до премьеры сказала, что премьера будет 3 февраля, — это означало, что она состоится именно 3 февраля и ни днем позже.

Корр.: Комаки Курихара — безусловно, самая известная у нас в стране японская актриса. Фильмы «Мелодия белых ночей» и «Москва — любовь моя» принесли ей славу. Но знаем мы о ней довольно мало. Может быть, начнем нашу беседу с «монологического режиссера об актрисе»?

Все началось... А впрочем — когда все началось? Тогда ли, когда драматург Самуил Алешин написал пьесу «Тема с вариациями»? Тогда ли, когда отнес ее в Театр имени Моссовета и через некоторое время состоялась премьера? Или тогда, когда Комаки Курихара, известная японская актриса, решила стать антрепренером и для постановки выбрала именно пьесу Алешина, пригласив в Японию советского режиссера Сергея Юрского? Но давайте считать, что все началось с того момента, когда антреприза Комаки Курихары приехала в Москву. Советская пьеса, поставленная советским режиссером в декорациях советского художника Энара Стенберга, показывается московскому зрителю. Мы сидим с Сергеем Юрским в его гримерной. И ждем приезда Комаки Курихары.

Дело всей души

Комаки Курихара и Сергей Юрский: о театре, о молодежи, о себе.

С. Ю.: Давайте попробуем. В Японии я видел несколько работ Комаки, слышал о ней немало и понял: главная ее тема — любовь. Любовь безоглядная, верная, не поддающаяся никаким влияниям обид, ревности — короче, всему тому, что превращает любовь в ее противоположность. В Японии я видел телефильм, в котором Комаки играла главную роль. Герой картины — талантливый артист, но человек очень сложный, невзрачный. В его жизни истории чередуются с острыми приступами болезни. Героиня Курихары любит его. Любит безоглядно. Вытаскивает на себе, не высказывая ни слова упрека. Продолжает любить даже после его смерти.

Мне кажется, такая цельность — отражение ее собственной человеческой цельности. И когда мы начинали репетировать, я очень боялся: в «Теме» надо было играть обиду, гнев на своего возлюбленного — сможет ли Курихара? Ведь эти чувства для нее самой — противоположные. Но это были проблемы первых репетиций: потом стало получаться. И я открыл для себя еще одно важное ее качество: артистическую страсть. Все отдано сцене и экрану. Там ее жизнь. Раскрывается она не в интервью, не в высказываемых манифестах, как это любят делать многие актеры, но в своей работе.

Последние слова Юрский говорил, когда Комаки-сан уже вошла в гримерную

и улыбалась своей знаменитой улыбкой, в которую влюблены миллионы зрителей всего мира.

Корр.: Работа в чужой стране — всегда открытие этой страны. Интересно, а с чего начиналось оно для вас, Комаки-сан, и для вас, Сергей Юрьевич? Первые впечатления? Первые встречи?

Комаки Курихара: Первые встречи были на съемочной площадке. Знаете, что поразило? Ваши женщины работают наравне с мужчинами! Могут быть и помощниками режиссера, и звукооператорами, и операторами. Потом я узнала, какие у вас прекрасные женщины-кинорежиссеры. У нас же — актриса, гример, костюмер — вот и все женские специальности на киноплощадке.

С. Ю.: Уже через полтора часа после того, как я сошел в токийском аэропорту с трапа самолета, я встретился с японскими артистами. Меня встретили люди, обладающие качеством, по которому, честно говоря, я весьма соскучился: люди, умеющие слушать, не перебивая и не возражая. Эти люди умеют верить. Раз тебя назначили режиссером — значит, с тобой не надо спорить, необходимо пытаться тебя понять. Приятно? Да. Но безусловная вера предполагает и единоличную ответственность. Тут уже не свалишь ни на кого: тебе поверили, ты вел людей — теперь отвечай.

Корр.: Комаки-сан, у меня вопрос к вам. Для своей первой антрепризы вы выбрали пьесу советского драматурга. Случайно ли это?

К. К.: У меня свое, очень личное отношение к русскому и советскому искусству. Я ведь начинала как балерина, первую партию танцевала в балете П. И. Чайковского «Щелкунчик». Потом на всю жизнь «заболела» драматическим театром. Первая роль — в инсценировке по роману «Анна Каренина» Толстого, первая крупная работа — Ирина в «Трех сестрах» Чехова. Так что, можно сказать, деятели русской культуры как бы напутствовали меня.

Мой любимый драматург — Антон Павлович Чехов. Знаете, что поражает в нем? Он никогда не поучает, никогда не выдает готовых истин. Он беседует. Он — собеседник. Мне очень нравится, что ваши писатели никогда не оценивают своих героев, не относятся к ним, как к марионеткам, но переживают за них, мучаются вместе с ними. И, мне кажется, что Алешин продолжает эту традицию.

С. Ю.: Памятуя о том, что вы беседуете с «молчаливой» женщиной, я хотел бы чуть добавить. Мы ведь тоже говорили об этом с Комаки-сан, и я понял: ее привлекает в героинях русской литературы цельность. Та цельность, которая ей самой очень свойственна. Недаром так любит она Татьяну — героиню, с которой для меня начинается цельный характер русской женщины. Комаки-сан преклоняется перед Чеховым. У него разрывающиеся, мятущиеся герои, но за ними ощущается цельная фигура самого автора. Писателя, для которого доброта была деятельным понятием, который всю

жизнь оставался доктором, старался уменьшить боль людей.

Корр.: Комаки-сан, и еще один вопрос, касающийся выбора пьесы: в Японии, как и у нас в стране, наверное, существует проблема молодого зрителя. Как «приманить» его в театр? Выбирая пьесу Алешина — произведение камерное, интимное, — вы не боялись, что молодому человеку это будет скучно? Что постановка не сможет конкурировать с мюзиклами, приключенческими фильмами, яркими эстрадными программами?

К. К.: С молодым зрителем у нас нет проблем. Молодежь — основной посетитель всех зрелищных мероприятий. Ей все интересно, хочется увидеть как можно больше. У нас проблема другая: как оторвать от телевизора, от домашнего дивана людей старшего поколения. В Японии ставится немало мюзиклов, эстрадных программ. Но ведь должно быть место, где человек мог бы получать уроки нравственности, уроки для души. Это — театр.

Вы знаете, мне кажется очень важным в искусстве: ничего ничему не противопоставлять. У человека должна быть возможность самостоятельного выбора. И выбора развлечений в том числе.

Корр.: Думаю, нам всем не мешает об этом помнить. А то ведь мы так любим противопоставлять: рок-музыку — классике, чтение книг — телевизору, классический балет — брейк-дансу. А в жизни все это сосуществует рядом и неплохо уживается. Но раз уж мы начали говорить о противопоставлении, мне интересен вот какой вопрос: у нас в стране мы много обсуждаем проблему отцов и детей, а существует ли она в Японии?

К. К.: Поскольку отцы и дети существуют везде — между ними обязательно возникнут проблемы. Это неминуемо, и относиться к этому надо спокойно. Другое дело — надо постараться помочь отцам и детям понять друг друга. Скажем, у нас существуют семейные спектакли, в которых мы стараемся говорить об общих для поколений вопросах. Надеюсь, что, обсуждая их, отцы и дети научатся лучше понимать друг друга. Мне вообще кажется, что поколениям нужно больше разговаривать, общаться — не поучать друг друга, не иронизировать над тем, чего не понимаешь, а именно — беседовать.

Корр.: А вам нравится японская молодежь?

К. К.: Она разная. Но в общем, конечно, мне интересна. Если говорить о том, что меня поражает... В Японии молодой человек мало задумывается над тем, кем он хочет стать, иногда его швыряет из крайности в крайность, ему кажется, что он еще успеет определиться, что впереди у него — вечность. Но впереди у него, как и у всех, — одна-единственная жизнь. Мне кажется, что молодые люди в вашей стране раньше определяются в жизни.

С. Ю.: Увы, не всегда. Я не берусь судить японскую молодежь, да это и не нужно, но те ребята, с которыми я встречался, мне очень понравились.

В одном из токийских университетов была встреча со студентами, изучающими русский язык. Это молодой народ, поразительно внимательный. Их внимательность бросается в глаза и запоминается. Я читал им стихи, они не все понимали, но слушали очень внимательно. Я подумал: может быть, нашим ребятам имеет смысл поучиться у них серьезному отношению к своему делу?

Что бы они ни делали — делают с полной отдачей.

Меня поразило, например, такой факт. Во время гастролей БДТ в Японии молодые японцы посмотрели «Ревизора» в постановке Г. А. Товстоногова. Спектакль им очень понравился, они записали текст на магнитофон, мизансцены запомнили и потом воссоздали спектакль в студенческом театре. Причем не просто на русском языке, но с интонациями русских актеров. Представляете, какой труд должен был этому предшествовать?

Вообще мне кажется, умение учиться — одна из самых хороших черт японской молодежи.

Корр.: Когда встречаются представители двух разных культур, то желание сравнить — неизбежно. Я так понял, что японской и советской молодежи есть чему друг у друга поучиться. Разговаривая с двумя людьми театра, невозможно не спросить: «А отличаются ли японский и советский зритель?»

К. К.: Ваш зритель более открыт, он не сдерживает своих чувств, своих эмоций. На спектаклях в Москве мы были поражены шквалом аплодисментов, который обрушился на нас.

С. Ю.: А я был поражен сдержанностью японцев. Помню, во время репетиций в Токио приходили японцы, внимательно смотрели, вежливо благодарили и уходили. Понравилось им? Нет? Совершенно неясно. Премьера. Снова: вежливо хлопают, вежливо кланяются, вежливо уходят. Понять, есть успех или нет, — невозможно.

В Японии есть традиция: участникам «аншлаговых» спектаклей выдаются памятные монетки. Такие монетки выдали и нам. Это было единственным доказательством того, что все-таки, наверное, спектакль понравился.

Корр.: Актеры в нашей стране любят мечтать: о ролях, пьесах, режиссерах. А у вас есть мечта?

К. К.: Конечно. Не знаю, как советские актеры, но я — суеверна. Поэтому боюсь обнародовать свою мечту. Однако, чтобы совсем не уходить от вашего вопроса, скажу так: сейчас снимаюсь в новом фильме у советского режиссера Александра Митты. Мечтаю, чтобы и роль, и в целом фильм получились и понравились зрителям.

Корр.: И традиционный вопрос: ваши пожелания нашим читателям?

К. К.: Боюсь, не буду оригинальной, но хочу пожелать мира. Будет мир — тогда и мечты сбудутся, и новые дружбы завяжутся, и работа интересная появится наверняка.

С. Ю.: Люди часто желают друг другу чего-то, что должно упасть с неба: благополучия, счастья, любви... Но сегодня хочется желать по-другому; **борьбы** за мир, **борьбы** за счастье, **борьбы** за любовь.

...Они сидели в театральной гримерной — два известнейших театральных деятеля из двух таких далеких, разных стран. Они говорили не по плану, пусть иногда получалось чересчур сумбурно, но говорили о том, что их волнует, что интересно им самим, что составляет суть их жизни. А когда разговор закончился, они поднялись и пошли по коридору. Рядом. Японская актриса и антрепренер Комаки Курихара. И советский актер и режиссер Сергей Юрский. И захотелось увидеть в этой случайности — символ.

Беседу вел
Андрей Максимов.

